

Цена 60 коп.



МАРКИ для КОЛЛЕКЦИЙ ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ В МАГАЗИНАХ КНИГОТОРГОВ

№ каталога		Цена
4001	С портретом В. И. Ленина	2 марки 2 р. —
4002	В ознаменование 35-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции	2 марки 2 р. 40 к.
4003	Кораблестроение	2 марки — 40 к.
4004	С портретом И. В. Сталина	2 марки 2 р. 70 к.
4005	Электрификация села	2 марки 1 р. 50 к.
4006	Слет строителей народной Польши	3 марки 3 р. 85 к.
4007	Авиапочта	3 марки 3 р. 85 к.
4008	Фестиваль польской музыки	2 марки 2 р. 70 к.
4009	День морского флота	3 марки 2 р. —
4010	1-й Конгресс польской науки	3 марки 2 р. 10 к.
4011	1-й Конгресс польской науки (окончание серии)	3 марки 2 р. 10 к.
4012	Строительство заводов в Кракове	4 марки 2 р. 45 к.
4013	2-й Международный конкурс скрипачей	2 марки 1 р. 10 к.
4014	7-я годовщина Польской Народной Республики	3 марки 2 р. —
4015	Конференция сторонников мира	2 марки — 95 к.
4016	Авиация, Леонардо да Винчи, Н. Гоголь, Г. Сен-симон, В. Гюге	5 марок 3 р. 05 к.
4017	Плакаты выдающегося деятеля польского рабочего движения Л. Варынского	2 марки 1 р. 10 к.
4018	Автомобилестроение	2 марки 1 р. 80 к.
4019	День шахтера	2 марки 2 р. —
4020	Велогонка мира (вып. 1952 г.). 3-й Международный фестиваль молодежи в Берлине	2 марки — 80 к.
4021	Велогонка мира (вып. 1953 г.)	3 марки 2 р. 45 к.
4022	Первенство Европы по боксу	3 марки 2 р. 20 к.
4023	480 лет со дня рождения Н. Коперника (вып. 1953 г.)	2 марки 1 р. —

МАРКИ — ПОЧТОЙ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ

высылает магазин № 63 Мосниготорга. Москва, Кузнецкий мост, 20.

Филателистическая контора

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 19

1954



В. ТЕНДРЯКОВ

ПАДЕНИЕ ИВАНА ЧУПРОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 19

В. ТЕНДРЯКОВ

ПАДЕНИЕ ИВАНА ЧУПРОВА

ОЧЕРК

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1954

В. ТЕНДРЯКОВ

Владимир Федорович Тендряков родился в 1923 году в деревне Макаровская, Верховажского района, Вологодской области.

Окончив в 1941 году десятилетку, уходит на фронт, участвует в боях под Сталинградом радистом в стрелковом полку.

В августе 1943 года в боях за взятие Харькова ранен. После госпиталя некоторое время работает секретарем райкома комсомола в селе Подосиновец, Кировской области.

С 1946 года по 1951 год — студент Литературного института имени Горького. В 1948 году принят в члены КПСС.

Первый рассказ В. Тендряков напечатал в 1947 году в альманахе «Молодая гвардия». После окончания института печатает ряд очерков в журнале «Огонек». В 1953 году в альманахе «Год 36-й» опубликована его повесть «Среди лесов», в журнале «Новый мир» — очерк «Падение Ивана Чупрова». В 1954 году в «Новом мире» напечатан его очерк «Ненастье».

Не зима и не осень. Снег еще не выпал, а прихваченная морозом травка похрустывает под ногами.

В эти дни в деревне Пожары самое оживленное место — двор колхозных складов. Идет выдача хлеба на трудодни. У тяжелых складских дверей, распахнутых на обе створки, стоит грузовик. Парни, сбросив с плеч пальто и ватники, щеголяя друг перед другом и перед весовщицей своей силой, таскают из склада мешки на весы.

Весовщица, статная девушка в пуховом платке и щегольской шубке, неторопливо снимает расшитую варежку, делает пометку в бумагах, и ребята, поеживаясь от холода, ждут, когда она подаст знак: «На машину!».

Посреди двора стоит председатель колхоза «Красная заря» Иван Маркелович Чупров — полшубок нараспашку, руки в карманах, ноги широко расставлены. Он хмурится, будто чем-то недоволен, но это сегодня никого не пугает: в такой день председатель не может сердиться.

Бойкая лошаденка вкатывает во двор легкий возок. Пронырнувший под лошадиной мордой мальчуган звонко кричит:

— Никита Кузьмич приехал!

Помощники весовщицы кидаются навстречу приехавшему.

— Здравствуй, Никита Кузьмич!

— Давненько к нам не заглядывал!

С возка соскакивает высокий человек, повертываясь направо и налево, пожимает всем руки.

— Здорово, здорово, ребята!

Председатель колхоза ждет, когда приехавший подойдет к нему. Никита Кузьмич, улыбаясь, шагает к председателю.

— Здорово, Никита, — говорит Чупров, протягивая ему руку. — Обижен на тебя. Год прошел — ездить мимо, не заворачиваешь. Пошли, кой о чем побеседуем. Для встречи и по маленькой пропустить не грешно. Верно?

— Ну, что ж, пойдём, — соглашается Никита Кузьмич.

Всем в колхозе хотелось хорошей жизни, но не всем понравилось, как новый председатель решил добиваться ее.

Чупров задумал спалить бесполезный соснячок на Демьяновской согре. Просто сказать — спалить! Значит, вырубить все крупные деревья, выкорчевать пни. Первым, кто поддержал нового председателя, был Никита Бессонов.

Спалили согру. Теперь бы только на этом месте, по золе, посеять хлеб. Но Чупров повернул по-своему: «Ни рожь, ни пшеницу на согре сеять не будем. Нужно сеять лен, выгодно-нее!» И снова поднялись на председателя, кричали на собраниях: «Хлеба не густо, а ты — лен! Со щами твой лен есть, что ли?» Опять первым поддержал Чупрова Никита Бессонов.

Посеяли лен. Он вырос такой, что теленок заблудиться может. Выручили на льне сорок тысяч. Как-никак, раздели на всех — деньги. А Чупров уперся: не дам делить! Будем строить свиноводник на пятьсот голов! Первым, конечно, поддержал Чупрова Никита Бессонов.

Через два года от свиней получили доход в сто тысяч. Построили молочную ферму... Год от году стал подниматься колхоз «Красная заря» — племенной скот, птица, лучший по району лен. И во всем председатель опирался на своего друга, секретаря колхозной парторганизации Никиту Кузьмича Бессонова.

И вот, когда все трудности в колхозе «Красная заря» остались позади, райком партии рекомендовал Бессонова председателем в крупный колхоз «Вторая пятилетка». Бессонов уехал, и с тех пор он встречался с Чупровым только в районе, на совещаниях. В гости к нему приехал теперь впервые.

Стараясь приладиться к размахистому шагу Бессонова, Чупров заговорил:

— На будущий год мясопоставку частично сдадим тухлым мясом.

Бессонов удивленно сдвинул брови. Чупров ухмыльнулся:

— Да, тухлым...

— Это государству-то?

— Государству.

— Чудно!

На красном, полном лице Чупрова держалась довольная ухмылка. Бессонов понял: Иван чем-то собирается поразить — и не стал спрашивать: сам расскажет, не утерпит.

Они пришли на место, где раньше лежал пустырь, поросший редким можжевельником. Теперь все кругом было огоро-

жено высокой проволочной сеткой. Внутри стояли дощатые будки с плоскими крышами.

Черный зверек пронес над травой пушистый хвост, прыжком нырнул в ближайшую будку, оттуда высунулась его остроносая мордочка. Блестящие глаза с любопытством уставились на людей.

— Лисички чернобурые, — сообщил Чупров. — Десяток перед весной купил. Приплод уже подрос. Зимой забьем пятнадцать штук, глядишь — тысяч двадцать пять привалило.

— Новое в наших краях дело, — сказал Бессонов.

— То-то, что новое. А ты спроси, чем их кормим? Отбросами. Мясо подаем на лопате, а сами отворачиваемся. Всякую падаль едят. Некапризные зверьки, некапризные. Дешево обходятся.

— Значит, тухлым кормите?

— Отбросами.

— Ну, а как же эти отбросы в мясопоставку попадают?

— Очень просто. Государство нам за каждую шкурку сорок килограммов мясопоставок скидывает. Закон! А шкурок сдадим пятнадцать. Посчитай: шесть центнеров хорошего мяса экономии. Нам выгодно, и государство не в обиде.

— Ловкач! — Бессонов улыбнулся. Лицо у него широкое, скуластое, сам он плечистый, костлявый, крепкий, и странно видеть на лице этого уже пожилого человека светлую, почти младенческую улыбку.

— В хозяйстве хитрость нужна, — заулыбался и Чупров. Он похлопал друга по широкой спине. — Ежели лошадь падет у вас или корова, везите, купим. Нам чистоганом обернется. Дальше пойдем, что ли? Гусятник на тыщу голов поставил без тебя.

Новый гусятник стоял на высоком берегу, возле пруда, густо синевшего молодым льдом в рамке обиндевевшего ивняка.

— Живем в лесу, а каждое бревнышко считаем, — жаловался Чупров. — Такое общежитие для краснолапых тысяч в двадцать обошлось. Зато и гусятник хорош.

Бессонов окинул взглядом постройку.

— Да, бревнышко к бревнышку. Жалеть нечего — окупится.

— Само собой. Я, брат, не люблю рубли в банках держать. Рубль — зернышко. Найди ему место, посади — сотня вырастет. А где Аксинья? Аксинья!

— Аюшки! — Из дверей вышла пожилая женщина.

— Аксинья, — строго сказал Чупров, — Никита Кузьмич — гость у нас. — И он значительно повел бровями в сторону одиноко стоявшего на тропинке гуся.

Аксинья понимающе поджала губы.

Осмотрели скотный двор, конюшни, направились к дому председателя. По дороге их нагнала облезлая легковая машина. Из нее выскочил парень в кубанке, надвинутой на брови, — секретарь партийной организации колхоза Алексей Быков.

— По всей деревне вас искал.

— Алексей! — воскликнул Бессонов, пожимая парню руку. — Ну, здравствуй.

В доме председателя около печки уже лежали снежной кучкой гусиные перья.

— Федотовна! — весело крикнул Чупров. — Гость пришел. Готова ли?

— Уж повремените чуток, не поспела, — разогнулась от печки жена Чупрова Лукерья.

— Ты что, пир думаешь закатить? — спросил Бессонов. — Посидим, потолкуем, ничего не надо.

— Э-э, праведник! — засмеялся Чупров. — Год не заглядывал, а отговариваешь. Помолчи уж, помолчи, я покомандую.

Не успели усесться за стол, вошла дочь Чупрова, Раиса, и за ней Алексей.

— Здравствуй, крестница. Ну, как дела? — заговорил Бессонов с Раей.

Рая из-за войны не успела кончить среднюю школу. Работала в колхозе на огородах. И как-то Бессонов предложил ей: «А что, доченька, посоревнуемся? Давай учиться. Кто быстрее до института доберется? Смотри, не красней, коль старик впереди окажется».

Было ли то уловкой Бессонова, или на самом деле он всерьез мечтал об институте, но, так или иначе, он «увяз»: читать читал, а экзамены сдавать и не пытался. Рая же окончила экстерном восьмой, девятый и десятый классы, поступила на заочное в областной сельхозинститут и теперь училась на последнем курсе, писала работу о пасленовых культурах.

Поэтому-то Никита Кузьмич и звал Раю «крестницей», а она его — «крестным».

— Дела обыкновенные. Диплом готовлю. Да еще... Ой, крестный! Ведь ты не знаешь!..—Рая бросилась в соседнюю комнату. Она принесла листы кальки, разложила их на столе.

— Теплицу думаем строить. Почти триста пятьдесят квадратных метров. Свежие овощи круглый год. Арбузы, дыни в наших сугробах.

Бессонов взял чертеж, стал рассматривать его.

— Да-а,—вздыхнул он,—нашему колхозу такая теплица — не по Сеньке шапка.

Лукерья Федотовна, сухонькая, маленькая, не под стать тягловатому мужу, поднесла к столу широкое блюдо с дымящимся картофелем и кусками жареной гусятины. Аппетитно пахло. Иван Маркелович достал из-под лавки бутылку, вышиб пробку, наполнил всем.

— Ну-с!—Чупров поднял глаза на Бессонова.—Выпьем, gostюшко...

— За что же? Может, за молодых?—кивнул Бессонов на Алексея и Раю.

— За них успеется... На свадьбе выпьем, коль надумают... Выпьем, Никита, за колхоз «Красная заря», за счастливый колхоз!

Когда Бессонов сказал, что из «Красной зари» едет в город. Чупров вдруг решил: «Вместе едем». Почему бы и не съездить? Есть дела в облизполкоме. заодно можно поискать кожи для шорной. Он пошел дать последние указы перед отъездом.

Бессонов, одетый в дорогу, стоял около своего возка с Алексеем и ждал Чупрова.

— А изменился Иван,—сказал Бессонов.—Как ты думаешь?

— Что-то не заметил,—ответил Алексей.

— Мне со стороны вроде видней. Прибавилось в нем этакое «я решу» да «я сделаю». Колхоз — это «я»!

— Что ж, за пятнадцать лет колхозники к нему привыкли, он—к колхозникам. Трудно отделить колхоз от себя.

— Вот, вот... Сперва трудно отделить себя от колхоза, потом—свое от колхозного.

— Это к чему, Никита Кузьмич?

— Так, к слову. Приехал гость, нужна на стол гусятина, мигнул — на тебе гусь! Не жизнь — сказка по щучьему велению.

— Мелочь.

— Вот именно, мелочь. Если б не мелочь, а крупное, и говорить не о чем. Тогда уж поздно. Смотри, как бы не споткнулся. Споткнется, ты ответишь. Ты партийный секретарь... Просят, и на молодость не посмотрят.

Алексей смущенно смотрел под ноги.

Подошел Чупров.

— О чем разговор?

Алексей отвел глаза. Бессонов, влезая в возок, уклончиво ответил:

— Все про гуся.

— Дался тебе гусь! Кто пасечника попрекнет, что съел стакан меду? А гусь в нашем хозяйстве даже не стакан, не чайная ложка, капля в море!

В городе они растались, договорившись встретиться вечером у базара.

Выйдя на площадь, Чупров столкнулся с Ефимом Арсентьевичем Трезвым, председателем райпотребсоюза. Человек этот, постоянно растрепанный, суетливый, был ходячим справочником: где что достать. Он схватил Чупрова за рукав полушубка и, не здороваясь, выдохнул:

— На складе сельхознаба вагон кровельного железа! Торопись!

Чупров, не простившись, бросился к такси.

Всюду строились, кровельное железо было дефицитным материалом; чтобы приобрести его, да еще в облсельхознабе, где сидел упрямый народ, требовались крепкие нервы, громкий голос и умение во-время прикинуться несчастным.

Чупрову предлагали залежавшиеся на складах ветровые установки, корнерезки, жмыходробилки, а он жаловался, что скотный двор в колхозе стоит раскрытый, что надо менять крышу на конюшне, что построили клуб, а покрыли толем — никакой красоты, смешно смотреть — очаг культуры... Пришлось постучать кулаком по столу, припугнуть облисполкомом, побегать из кабинета в кабинет с бумагами. Никто, конечно, не поверил, что в колхозе у Чупрова половина общественных построек требует перекрытия, но, тем не менее, железо выписали.

Уладив дела, Чупров встретился с Бессоновым.

— Слышал? Железо кровельное привезли в сельхознаб, — сказал он небрежно.

— Ну, а ты? — У Бессонова даже голос упал.

Чупров похлопал по карману.

— Вот оно где.

— Да? Ну ладно, езжай один, меня не жди.

Чупров, улыбаясь, глядел ему вслед. «Удачливее меня вряд ли будешь». И ему стало весело. Побегает от стола к столу Никита: скотный не крыт, свинарник не крыт, и не соврет: скотный у него действительно не крыт, и свинарник, и даже, поди, в конторе правления крыша подтекает. Это не за чужой спиной сидеть. Пока чего-либо добьешься, соль на спине выступит. Ему, Чупрову, не так нужно это железо, но запас карман не рвет, шею не трет, полежит—все сгодится. Весной он будет строить водонапорную башню. Потребуется десяток листов, а с ног собьешься, не найдешь сразу. Неплохо бы и свой дом под железо. Все одно крышу заново перекрывать. Совсем неплохо.

Иван Маркелович на радостях завернул в закусочную, «пропустил соловья», чуть-чуть, так, чтобы душа веселей пела.

Обратной дорогой он думал о Бессонове, о теплице, о стеклах для теплицы, о том, стоит или не стоит крыть железом свой дом... Вспомнилось, что кузнец Егор Постнов осенью жаловался: течет крыша кузницы. Не тесом же ее крыть! Да и склады подлатать неплохо... Чупров уже склонялся к тому, что на свои нужды брать железо не стоит, но когда он вернулся в колхоз и сказал бухгалтеру: «Занеси-ка, Никодим Аксеныч, в свои талмуды: купил кровельного железа на десять тысяч восемьсот»,—когда он увидел покорно опущенную к столу голову бухгалтера, старческую руку, ползущую с канцелярской ручкой по книге, готовую бесстрастно поставить любую цифру, то почему-то сразу же уверенно решил: «Стоит! Кузню покроем, а склады латать не к спеху». И он небрежно бросил:

— Учти, себе на крышу хочу взять листов полтораста...

Бухгалтер понимающе кивнул головой.

Удобный человек—Никодим Аксеныч! Сидит себе за дверью, сунув подшитые валенки под стол, в помятом пиджачишке, серой косоворотке, к маленькому черепу приглажены мягкие, как у младенца, волосы. Нужны выкладки о сдаче молока или яиц, вспомнишь о Никодиме Аксеныче, не нужны, словно его и на свете нет. Тишайший, воды не замутит.

Утром набегавшийся, уставший и плотно позавтракавший Чупров отдыхал в кабинете. Он был рад приходу Алексея.

— А-а, садись-ка, садись. Читал? В Болгарии, слышь, новый комбинат построили. Громаднейший! Удобрения выпускает.

Алексей знал, что если не перебить Чупрова, тот будет говорить, пока не придет пора идти на скотный или на сви-нарник.

— Иван Маркелович, Бессонов звонил.

— Никита? А что ему?

— Просит кровельного железа.

— Чего?! Железа кровельного? Что это он? Мы ему база снабжения? Я ж его направлял: беги, доставай.

— Не достал, разбирали.

— Так у нас, выходит, легче достать? По старой дружбе. Эх, Никита, Никита! Где умный мужик, а где, ну прямо малое дитя!

— Иван Маркелович, так он же достанет, вернет. Никите можно верить.

— Да как тут верить, коль он плохой доставала? Нет, нет, Алешка, и не хлопочи! У нас колхоз, а не частная лавочка...

Их разговор прервал посетитель, пожилой, полный, в полушубке с выпушками, в белых чesанках до паха. Он вошел в кабинет к Чупрову с грустным и покорным выражением на лице. Алексей узнал директора райпромкомбината Романа Гундосова.

— Здравствуй, Маркелыч, — произнес посетитель, снимая шапку, одновременно протягивая через стол руку. — Дело до тебя маленькое. Помнишь, скобы к нам на промкомбинат заказывал?..

— Помню, Роман, помню. Полгода заказ выполняли, полгода жилы из вас тянул, было время запомнить. Садись. Что тебя-то их заставило вспомнить? Мы ж заплатили вам.

— Заплатить заплатили, да подпись в получении вместо тебя ваш шофер оставил. Твоя подпись нужна. — Гундосов вздохнул и признался: — Ухожу с работы, хвосты подчищаю.

— Уходишь? Сам? — Чупров с прищуром, пытливо взглянул на директора. — А может, ушли тебя? Признайся.

Гундосов махнул рукой, начал негромко и обиженно жаловаться:

— Я не вор, не растратчик, я, Маркелыч, человек, у которого руки связаны. Только и слышно со всех сторон: местная промышленность отстает, местная промышленность не выполняет заказов, не удовлетворяет потребностей... А что мне, прикажете какой-нибудь распиловочный цех из пальца высосать? Добро бы воровал, добро бы государственные средства тратил... Так нет, не справляюсь, не подхожу...

— Сняли, значит. Так-так... Говоришь: не вор, не растрат-

чик... Нет, Роман, прямо тебе скажу, хошь обижайся, хошь нет: ты вор!

— Это с какой стороны?

— С такой!.. В нашем районе при промкомбинате кирпичного завода нет? Нет! В прошлом году откуда мне кирпичи возить приходилось? За семьдесят пять километров, из города! Каждый кирпичик чуть ли не по полтинничку обошелся. На одну перевозку я около десяти тысяч угрохал. Был бы у тебя кирпичный завод, эти десять тысяч в нашей кассе лежали бы целехоньки. Украл ты их из моего кармана.

— Имей совесть такое говорить! Что я, из твоего себе в карман положил эти десять тысяч? Да я за всю жизнь гроша ломаного себе не присвоил. Постеснялся бы, Иван...

— Не присвоил? Да мне от этого не легче. Какое мне дело, в твой ли карман ухнули или по нашим дорогам тысячи разтрясались. По твоей же вине их нет. Ты директор промкомбината, так будь добр, болеей душой за мой карман. Обидно, вижу, слышать, да прости, посочувствовать не могу, что сняли тебя... Душа-то против воли радуется...

Директор промкомбината, отвернувшись, принял подписанную бумагу, обиженно бросил, уходя:

— Спасибо, не ожидал от тебя такой охулки...

— То-то, не ожидал. Думал, слезу я по тебе пролью, — проворчал вслед ему Чупров. — Не дожدهшься! Мест-на-я промышленность!

Он увидел сидевшего в стороне Алексея, вспомнил:

— Настаиваешь, значит, чтоб помочь Никите. Твоя воля. Можем поговорить на правлении. Отчего не поговорить?

Алексей не настаивал.

После демобилизации принес Алексей домой погоны младшего лейтенанта да армейские знания: мог разобрать и собрать с завязанными глазами пулемет, умел скомандовать: «Длинная очередь! Закрепленным в точку! Огонь!» А это в колхозе было не нужно. Офицер, орденносец, заслуги перед Родиной, а не хочешь быть иждивенцем, — работай рядовым: вози навоз, ездь прицепщиком или становись конюхом.

Выдвинул Алексея Чупров. Строили колхозную ГЭС, нужны были специалисты, и Чупров приказал: «Поезжай на курсы».

Чупров позаботился, чтобы в каждой избе над семейным столом висела электрическая лампочка, чтобы в кормокухне,

на токах, в столярке, в кузнице—всюду стояли электромоторы. Маленький домик у плотины над рекой Пелеговкой стал сердцем колхоза. Если утром на мраморной доске, что висит на бревенчатой стене этого домика, не включить рубильник, то циркулярная пила в столярке не зальется визгом, не завертится барабан картофелемойки. Не включи рубильник—не сможет колхоз «Красная заря» начать свой трудовой день. А за мраморную доску с рубильником, за турбину, за генераторы, за все, что есть в доме над Пелеговкой, отвечает Алексей Быков. Он стал начальником колхозной ГЭС, одним из самых нужных людей колхоза. И в этом заслуга Чупрова. Нет, спорить с ним Алексею трудно.

Можно было и не за сто тысяч поставить теплицу, дешевле. Но Чупров считал: раз строить—так строить, с паровым отоплением, с железным каркасом. Деревянная теплица не простоит и десятилетия. При постоянной сырости в теплом воздухе столбы и венцы стен быстро сгниют, на один ремонт потом придется расходувать вдвое больше.

Строить—так строить навечно, чтобы потомки вспоминали Ивана Чупрова.

Решено было начинать строительство весной, с первых же теплых дней. Но к этому времени надо достать весь материал, чтобы потом не оглядываться,— того не хватает, этого нет.

У Чупрова был надежный друг—Ефим Трезвый, председатель райпотребсоюза. Он всегда помогал колхозу: или сам доставал или указывал, где достать.

И на этот раз он не подвел. Сначала сказал, надо подумать, а через неделю позвонил: «Завтра принимай князя».

«Принять князя» значило встретить полезного человека. Встретить так, чтобы тот понял: тут живут люди с широкой душой, с ними не зазорно иметь дело.

«Князь» прибыл на попутной машине, в Пожары от тракта дошел пешком.

В сумерки, когда только-только вспыхнул свет на деревне, он появился в правлении, справился у бухгалтера Никодима Аксеновича, где найти председателя.

Никодим Аксенович хорошо знал таких людей, «случайно» завершавших в колхоз. Разыскивать Чупрова был послан помощник бухгалтера Сеня Киселев. Не прошло и десяти минут, явился Чупров.

— Здравствуйте, Виталий Витальевич!

— Здравствуйте, Иван Маркелович!

Они поздоровались, как старые знакомые, хотя видели друг друга первый раз.

— Что ж, ко мне домой пошли? Признаться, не обедал еще. А вы обедали?

— Спасибо, не откажусь.

Дома у председателя стол накрыт чистой скатертью. В чайных блюдечках грибки: маринованные белые, соленые рыжики — каждый грибок с пуговицу, — грузди в сметане. В глиняной плошке гусь, рядом молочный поросенок, чуть не полстол занимает сковорода с глазастой яичницей. И только в одном нет разнообразия — в напитках. Стоит бутылка простой белой одна-единственная, а под столом еще целая батарея таких же.

Выпили по первой «за знакомство», закусили грибками, выломали у гуся по ножке. Чупров пылливо посмотрел на гостя.

— Где работаете, Виталий Витальевич?

— На строительстве станкозавода. К вам в район за лесом приехал.

Хозяин понимающе кивнул, наполнил стаканы. «Неплохо. Строительство солидное, можно вести крупный разговор».

Выпили по второй — «за ваше здоровье».

— Прямо беда в колхозе со стройматериалами, — начал Чупров. — Вам, государственным строителям, не приходится из кулька в рогожку перевертываться. На всем готовеньком. Пришел наряд, поезжай и получай. А у нас... Эх, да что говорить! Еще по стаканчику?

— Не хватит ли?

Однако выпили. Хозяин поспешно сменил пустую бутылку.

— У вас там нельзя купить какие-нибудь отходы? Скажем, железо трубчатое?

— Можно.

— Ну, а стекло?

— Можно.

— Так что ж, еще пропустим?

Гость мотнул головой, отодвинул стакан. Чупров спросил, отбросив всякую вежливость:

— Сколько стекла дадите?

— Я простой экспедитор. Надо поговорить, не от меня зависит.

— Ящиков двадцать пять для начала достанешь?

— Постараюсь.

— Добро! Выпьем!

Но гость держал ладонь на стакане.

— Один уговорец. Не знаю, понравится ли?

— Ну? — насторожился Чупров.

— Платить наличными. Никаких счетов, никаких расписок!

— Понятно: товар на прилавок, деньги в руки. Собственно, это нам запрещено, все через банк должны оформлять, но выйдемся.

— Ваше дело.

Гость пододвинул стакан. Чупров налил.

— За знакомство!

— За знакомство!

Это уже было не то знакомство, за которое они выпили вначале, а новое, деловое.

Дело было начато. Чупров поставил на стол третью бутылку.

Утром следующего дня председатель «Красной зари» провожал гостя. Он вызвал конюха Сашу Братухина и приказал:

— Подбрось-ка товарища до станции на Шайтане.

Сашка кивнул головой:

— Вмиг!

Через неделю пришла машина, груженная ящиками со стеклом. Чупров проверил каждый ящик — стекло было хорошее. Председатель взял деньги, накопленные в кассе от базарной выручки, и уехал в город. Вернулся через два дня с новой машиной стекла.

Тишайший Никодим Аксенович заприходовал покупку. Никаких счетов не было — нарушение, но что за беда? Будет ревизия? Так в ревизионной комиссии председателем свой, старик Евсеев, членами — кузнец Егор Постнов и Алексей Быков. Все свои люди, не враги же сии колхозу.

И раньше колхоз строился, и раньше приходилось Ивану Маркеловичу «доставать», минуя банк, то строевой лес для гусятника, то провололочные сетки к вольерам для чернобурых лисиц. Но теперь стали чаще заглядывать в колхоз разные «князья». Чупров уводил их к себе, оставлял ночевать, а наутро ходил по колхозу с багровой, налитой кровью шеей, разговаривая, старался отворачиваться.

Все это видели, но успокаивали себя: «Уж наш-то Маркелыч не промах. Построим теплицу — окупится. В накладе не будем».

И только один человек с тревогой присматривался к председателю — Алексей Быков.

Как-то он провожал из клуба Раю. Был тихий, мягкий зимний вечер. Из окон на сугробы падал свет.

— Вчера стали квартальный отчет проверять,-- заговорил Алексей, — смотрю, куплено стекло-бой. Какой же бой, когда настоящее стекло привезли? А счетов нет! Ты понимаешь, что это?

Рая опустила голову.

— Отец раньше редко выпивал, — сказала она тихо, — по праздникам или в гостях. Теперь каждую неделю пьянка...

— Не нравится мне это, Рая.

— Я и теплице больше не рада, — призналась девушка. — Да что поделаешь?

— Поговорить бы начистоту.

— Отца моего не знаешь, что ли? Если загорелось, не удержишь. Раз наекнешь, другой, а на третий он подальше пошлет и будет делать по-своему.

Алексей шел рядом с Раяй и думал: «Не миновать крупного разговора с Иваном Маркеловичем».

И разговор этот состоялся.

Шло обычное заседание правления. Плотник Андрей Долгоаршинных посасывал свою трубку, старик Евсеев дремал, сторожика Глафира, хоть и не член правления, но, как всегда, вытянувшись, сидела в своем углу.

Поговорили о ремонте старого свинарника, о скотном дворе. Потом Чупров сказал, что надо посылать на городской базар с продуктами не одну, а две машины.

— Маловаты обороты, маловаты, — пожалел он. — Кругом строимся. Не хватает казны. Вчера предлагали отходы углового железа, пришлось отказаться: нет денег под рукой.

— В банке триста тысяч лежит, — напомнил Алексей.

— Это железо, Алешенька, на банковские деньги не купишь, — ответил Чупров. — Не переведут.

— Не переведут, нечего и связываться.

— А это почему?

— Потому, Иван Маркелович! Нечистые дела заводятся. Обходим банк, счетов не берем. Кроме тебя, никто и знать не знает, откуда товар, почему куплен.

— Тебе-то что? Весь колхоз верит Чупрову, один ты не доверяешь? Строимся, нужен стройматериал, мне предлагают, я покупаю. Вот и все! Без всяких «откуда»! Плачу не дороже государственной цены.

— А если ворованное покупаешь?

— Мне отчета не дают. А я знать не хочу. Благо, сам чист перед колхозом, и в колхозе чисто, никто не ворует. А что там в иных местах делается, не моя заботушка. Так-то!

— Ты член партии! — с неожиданной для него жесткостью проговорил Алексей. — Партийная совесть у тебя есть?

— Член партии! Совесть! Ты, Быков, перестань этим шпынять — не впервые слышу! Это Никите Бессонову я мог позволить, не тебе. Он мне и по годам ровня, и в партию с ним в одно время пришли, а ты мальчиш-ка! Молодо-зелено, чтоб указывать!

Алексей вспыхнул:

— Слова не скажи против, вроде царька ты в колхозе, Маркелыч.

— Алексей, что это тебе шлея под хвост попала? — удивленно спросил Долгоаршинных. — Ну, право, чего напал?

Чупров, навалившись грудью на стол, тяжело глядел на Алексея.

— Вот что, — обрубая фразы, медленно заговорил он, — иль ты будешь указывать иль я. Садись, стул очищу!

— Да бросьте вы! — поморщился Иван Кустов, не любивший споров.

Чупров смотрел на Быкова злыми глазами.

— Ночами не сплю, стараюсь, думаю, лишь бы колхозу на пользу... Других мыслей нет, а тут...

— Не сплю, стараюсь, — перебил Алексей. — Молчат все, а я скажу: лишка стараешься, Маркелыч! Так стараешься, что редко трезвым увидишь тебя нынче!

— Алексей, не доводи до греха!

— Уж что правда, то правда, Маркелыч, — неожиданно подавала голос Глафира. — Даже мы, бабы, жалеем, как бы не спился, стараешься-то...

У Глафиры вырвалось это без злого умысла, так, лишь бы слово вернуть. Чупров резко повернулся к ней:

— А ты что суешься, старое веретено? Что тут торчишь? Марш отсюда!

Но Глафира была не из тех, кого можно запугать криком.

— Ох ты! Я-то с чистым сердцем, жалеючи! А ты... Не люблю слушать-то? Прямо скажу, поговаривают люди, поговаривают: председатель — пан в колхозе, что душеньке надо, берет, не спрашивает... Не поводи глазищами-то! Не боюсь!

— Глафира! Выведем! — приподнялся старик Евсеев. — Только крикни еще, возьму за локоток!

— У-у, выводило! Старуху свою выводил!

Чупров стукнул кулаком по столу:

— Марш отсюда! Кому сказано?!

Глафира подхватила свой стул, вздернув острый подбородок, вышла.

— Уж говорят, голубчики, говорят! Не любо слушать-то? — раздалось за дверью.

Чупров вяло махнул рукой:

— Правление кончилось. Хватит, наговорились.

Все стали поспешно подниматься.

Алексей выходил последним. Он был смущен. Попытка одернуть председателя, попытка, на которую он с таким трудом решился, не удалась. Он уже думал: «А может, я слишком резко загнул? Ведь ради колхоза старается».

Лукерья Федотовна молча поставила тарелку со щами и ушла в боковую комнату. Оттуда донесся протяжный вздох:

— Срамота! Дожили...

Чупров, не торопясь, принялся за щи. Он знал, что Федотовна не заставит долго гадать, почему сердита и чем недовольна; пяти минут не вытерпит, снова появится, сложит руки на животе и начнет пилить.

Так и случилось. Он не доел щей, как Лукерья Федотовна вышла к столу, минуту — две молча смотрела на мужа и наконец, убедившись, что ее красноречивый взгляд нисколько его не смущает, сказала:

— Трескает, и горюшка мало, а тут от людей совестно.

Это «от людей совестно» было знакомо Ивану Чупрову. Еще в те времена, когда он стоял за то, чтобы палить Демьяновскую согру, а в ответ ему кричали: «Не желаем! Сменить с председателей!», — Лукерья Федотовна так же стояла перед ним и говорила: «От людей совестно».

Он отставил пустую тарелку.

— Что там на второе?

— Второе ему! И не краснеет! А слышал, что по деревне говорят?

— Пока нет, но, видать, услышу. Глафира, что ли, наболтала? Она может, язык без костей у бабы.

— Не одна Глафира была на собрании...

Федотовна стала торопливо выкладывать все услышанное за утро.

— Ушла со двора корова, хоть и муж дома, да все одно, что место пустое, ворот починить некому. Пошла искать, встретила Настасью, не Кустову Настасью, а Большухину: «Не видала ли, мол, коровы моей?» И та нет, чтоб прямо, а с усме-

шечкой, жалостливо да ласково: «Как, мол, Иван твой чувствует?..» «Что, — говорю, — Ивану сделается? Чуть свет шапку в охапку, и был таков...» А она ехидно так, с улыбочкой: «Говорят, баня ему вчера была».

Чупров помрачнел, забыл про второе: «Вон как обернулось! Меня пачкать! Ну, Алешка! Покаешься!»

Вошла Рая — как-то бочком, тихо, словно невестка в злой семье. Иван Маркелович поднялся, пошел от стола, по пути отбросил подвернувшуюся под ноги кошку. Не снимая валежник, завалился на кровать.

Он боялся разговора с дочерью. У этой упрёки не старушечьи: «Я как комсомолка... Ты как член партии...» Второй Алешка. Молода, глупа и по глупости такое может сказать — душа кровью умоется.

Рая отказалась от обеда.

Лукерья Федотовна долго ворчала:

— Господи! Варила, варила, ждала к обеду. Один завалился, другая — на тебе, хвостом верть — не хочу! Разнесчастная я... И замолчала.

Чупрову стало душно. Он поднялся, оделся и вышел на улицу. Кончался короткий зимний день. Жиденькие сумерки уже робко затягивали дорогу. Снег казался серым. И ни одной души, пусто, словно вымерло все. Чупрова охватила тоска, скучными показались родные Пожары. Такое находило на него иногда в первые годы работы председателем, когда колхоз был еще слаб и беден, а народ не хотел его понимать. «Уехать бы, пропади все пропадом, живите, как хотите!» Но тут ярким, веселым светом вспыхнули разом все окна в деревне. Сразу же вспомнился день пуска электростанции. Тогда отец Егора Постнова, дед Евлампий, восторженно хлопал себя по острому коленкам и повторял: «Мигнул — и другая деревня! Только мигнул — и другая!..».

— Мигнул — и другая, — проворчал вслух Чупров и подумал: «То-то и оно, другая. Не я — сидели б, поди, до сих пор, как в «Свободе», при керосинчике. Легко сказать, «мигнул»...»

С новой силой нахлынула обида: мальчишки вроде Быкова учат, призывают к порядку! К кому пойти? Кому раскрыть душу? Ночей не спал, сколько крови испортил — нечего сказать, отблагодарили! Но это не пройдет! Нет, покаются!

Он заметил, что подошел к низенькому домику, закрытому кустами. Крыша в снегу, кусты в снегу, и если бы не светящиеся окна, то дом был бы похож на сугроб. Устоявшимся миром и покоем потянуло на Чупрова от этих окон.

«А ежели зайти? Живем почти рядом, а в гостях сроду не был. Вот живет в стороне от всего, делает свое дело, спокоен, доволен жизнью».

По расчищенной дорожке Чупров направился к калитке.

Увидев неожиданного гостя, бухгалтер Никодим Аксенович обрадовался:

— Удивлен, Иван Маркелович, удивлен! Не скрою. В кои-то веки!

— Слышал, что про меня плетут?—в упор спросил Чупров.

— Не спеши, всему свое время. Полушубок снимай. Холодищем от тебя разит. Бр-р-р! Мария, матушка, самоварчик изготвь да поищи в шкапчике, может, чего погорячей найдешь. Примошайся, Маркелыч, к столу...

Из-за полинявшей занавески вышла жена бухгалтера, Мария Мироновна, медлительная, водянистая старуха.

Она поставила на стол темную бутылку, тарелку с кусками сала, хлеб, стаканы.

— А лучок, матушка, забыла. Лучок—первая закуска!

Выпили, закусили. У Никодима Аксеновича на щеках выступили красные пятна.

— Никакой благодарности нет у людей, Иван Маркелович,— начал хозяин.— Иду сегодня с обеда, вижу, у Никифоровского дома стоят Марья Петухова и Алевтина Рыльцева. Сам знаешь: две бабы—базар. И чешут они языки. На тебя обижаются, видишь ли. Мол, ты власть большую забрал (уж прости, с чужих слов говорю), куда только хочешь, свою руку запускаешь.

Чупров налил себе водки.

— Запускаю, говорят?

— Запускаешь.

— Ну и пусть говорят! Этим Марьям да Алевтинкам не впервой. Когда колхоз поднимал, я от них и слова-то доброго не слышал. И такой я был и сякой. Потом опомнились. И нынче опомнятся. Дойдут куриными мозгами, что если запускаю куда руку, то ради их пользы. Вот, скажем, колхозу скоро нужны будут трубы. Кто знает, где их достать? А знать, к примеру, может Ефим Трезвый, председатель райпотребсоюза. Он, конечно, мне друг, может и без корысти подсказать. Но раз он друг мне, то и колхозу моему друг, и я должен вести себя по-дружески: надо пригласить на блины, угостить медовухой.

— Как же, как же!—закивал головой Никодим Аксенович.

— И трубы приходится доставать, и проволочные сетки, и

стекло,—сколь народу побывает, подсчитай-ка! А ведь своих ульев не держу, и коровенка у меня незавидная—не для себя живу, для колхоза!

Одно к одному—перегорела обмотка на якоре, стала электростанция. Света нет. Утром доярки на скотном поругались из-за фонарей. Пилорама в столярке не работает. В кормокухне барабан картофелемойки приходится крутить вручную. Кузнец Егор Постнов вспоминает у горна и бога и черта, а пуще всех Алексея Быкова, «электрического начальника». Чтобы двигать руками мехи, надо снимать все приспособления, поставленные самим Егором.

И в такой-то день председатель не вышел из дому.

Случалось, что он оставлял колхоз не на день, не на два, а на недели, даже уезжал как-то на два месяца в город на курсы. Но всегда перед отъездом Чупров обходил хозяйство и всем бригадирам, всем заведующим фермами давал наказы: «Так-то и так-то без меня действовать». Иван Кустов тогда заменял председателя. Теперь же Чупров никого не предупредил.

Поговаривали: заболел. Но плохо верилось. Никто в деревне не помнил, чтобы Иван Маркелович залеживался в постели.

Старик Евсеев решил зайти к председателю.

— Что с хозяином случилось?—спросил он у Лукерьи.

— На такой работе лошадь надорвется!—сердито ответила Федотовна.—Работает, работает, а какая благодарность? Одни укоры!

Евсеев хотел потолковать с больным, но хозяйка выпроводила старика за дверь.

— Нечего беспокоить! Довели человека...

Чупров валялся в постели одетый, листал от скуки книжки Раи, но чтение не шло на ум. «Нет, нельзя показать, что все эти обиды, как с гуся вода. Не прежнее время! Пора бы научиться уважать Ивана Чупрова!»

К вечеру лежать стало невозможно. Чупров оделся, сунув глубоко в карманы полушубка руки, пошел в правление.

Едва переступил он порог, сразу восторжествовал: «Ага, вот оно что! Припекло!»

В конторе было полно народу: бригадиры, члены правления, просто колхозники—все тут. Председателя встретили виноватыми взглядами. Иван Кустов поспешно соскочил со стула, освободил место.

— Так вот, дорогие товарищи колхозники,—сурово начал Чупров,—много раз обижали меня несознательные элементы. Но это было в начале, так сказать, нашей общей жизни. Уж я бы должен авторитет заработать. Ан нет! На днях были пущены грязные слухи. Повторять их здесь? Сами разносили, знаете... Скупаю ворованное, пьянствую...

— Не все же разносили эти слухи,—подал голос Андрей Долгоаршинных.

— И верили им не все!—прогудел бас кузнеца Егора.

— Глафира наболтала.

— Я? Не ты ль бегал по деревне, языком трепал! — вскинулась Глафира.

— Тихо!—привычно, как на собрании, сказал Чупров, и кругом стихло.—Знаю, не все. Знаю, верят еще в меня в этом колхозе. Потому и пришел к вам. Но есть и такие, кто вставляет мне палки в колеса. Это не Глафира, нет! Глафира—темный элемент...

— Ой, да наговоры на меня, Маркелыч! Истинно говорю,—все наговоры.

— Помолчи! Мне обидно слушать упреки от таких людей, как Алексей Быков. Я его на высоту поднял, а вот вместо благодарности... Не вижу его здесь, а жаль, поговорить бы при народе начистоту!

— Ишь, как до дела, так и не пришел!

— Да некогда ему! На электростанции ремонт делает.

— Сбежать за ним! Коль люди попросят—время найдет!

Несколько парней выскочили на улицу. Глафира тоже, накинув на голову полушалок, нырнула в дверь, но не за Алексеем—надо сообщить всем: «Идите в правление! Быкова Алексея обсуждать будут! Сам Иван Маркелович пришел».

И, пока бегали за Алексеем, народ плотно набился в контору.

Алексей пришел запыхавшийся, в расстегнутом полушубке. Ему уступили дорогу.

— В чем дело?—спросил он, удивленно глядя на Чупрова и уже смутно чувствуя, что над его головой нависло недоброе.

— Спроси людей,—движением подбородка указал Чупров на тесно сбившихся колхозников.

— Пусть покается перед Иваном Маркеловичем!

— Проси прощения!

— Что такое? — оглядывался Алексей. — В чем дело, товарищи?

— Председатель из-за тебя заболел!

- Иван-то Маркелович нам дороже тебя!
- Сплетням способствуешь!
- Председателя грязнишь!
- Алексей, побледнев, молчал.
- Ишь, глаза-то бегают!
- Совесть заела!

Иван Кустов, напуганный случившимся, кричал, надрываясь:

— Тихо! Нельзя же так! Пусть Алексей извинится перед Иваном Маркеловичем. Ей богу, ничего страшного нет, а раскричались!

- Правда! Пусть извинится!
- Повинись, Алексей!

Чупров, видя бледное и решительное лицо Алексея, понял, что тот не извинится, что пахнет скандалом, что слух об этом дойдет до райкома.

— А ну, тихо!—Он повернулся к Алексею:—Не надо твоих извинений. Я не оскорбленная барышня, чтобы пардоны выслушивать. Одно пойми: хочу добра колхозу, и не становись поперек, не учи меня жить. Молод!

Алексей молчал.

— Вот и все,—произнес Чупров.—Расходитесь!

На другой день Рая узнала все, что произошло. Все обвиняли Алексея, его ругали, сочувствовали председателю. Рая поняла: все отвернулись от Алексея, он остался один.

Едва стемнело, Рая пошла к электростанции.

Алексей выскочил к ней без шапки, в накинутом на плечи полушубке.

- Ты, Рая? Пришла! Спасибо. Думал, и ты сердита.
- Сердита я, Алешка... Сердита! Ведь предупреждала же, ведь говорила! Не послушал, вот и случилось.
- Да...

Он стоял перед ней, наклонив голову со спутанными волосами, поглядывая тревожно из-под бровей.

— Иди шапку надень. Простудишься.

— Подмял меня твой отец, Рая,—вздыхнул Алексей.—В землю втоптал. Я ж за него боялся, предупредить хотел, добра ему желал. Не понял, не захотел понять! А за ним все уж следом. Никто не понял. Ты б слышала, как кричали, словно враг я им.

Голос Алексея сорвался. Он помолчал.

— А ведь коммунисты среди них были: Иван Кустов, Евсеев. Какой же я секретарь партийный? Разве посмели бы так орать на Бессонова? Выходит, пустое я место. Страшно, Рая... От меня сейчас все шарахаются. Пусть виноват, ошибся, не надо бы при Глафире лишнего болтать. Обсудили бы на собрании, освободили бы, дали бы выговор—пусть! Все легче! А он перед народом унизил! А сталкивать меня с секретарей отец твой не хочет, невыгодно ему. Райком ведь заинтересуется...

— Так ты сам в райком иди!

— Эх! Думал об этом! Ну, пойду, так ведь сейчас против меня весь колхоз. Пришлет райком человека, тот встанет на мою сторону, меня здесь еще больше возненавидят: «Ага, мол, жаловаться полез!». Ничего я этим не добьюсь, глаза ни не раскрою. Опять для них Иван Маркелович свят и чист, а я жалобщик, клеветник. Да и в райкоме-то Ивану Маркеловичу больше поверят. Он старый председатель, а я молодозелено.

— Так что же делать?

— Не знаю.

Чупров сидел дома. Раскрасневшийся, потный, он допивал пятый стакан чаю.

— Садись,—добродушно сказал он, когда Рая вошла в избу.—Мать, медку нам подкинь. Еще стаканчик выпью.

Рая тяжело дышала.

— Кто за тобой гнался?

— Никто.

— То-то и видно. Да не бойсь, пытаться не стану, сам молодым был.

— Отец!

— Что?

— Сейчас видела Алексея.

Иван Маркелович насторожился:

— Ну и что же? Чего тебе с ним не видется, чай, каждый вечер встречается.

— Говорила с ним.

— Коль не секрет, о чем?

— О том, как ты его перед народом осрамил.

— Я? Я тут ни при чем. Колхозники срамили.

— Он же тебя хотел предупредить.

— О чем?

— Сам знаешь.

— Ну, хватит! Предупреждения надоели.
— Если он виноват, почему ты на партийном собрании вопрос не поставил?
— Много будешь знать, скоро состаришься.
— А я знаю! Будешь настаивать, чтобы его сняли, райком заинтересуется, а это тебе невыгодно. Всплывет кое-что.
Чупров свирепо крикнул, поднялся из-за стола.
— Раз и навсегда говорю: миловаться с ним милуйся, а меня не трожь!
— Нет, трону!
— Тогда из моего дома уходи! К нему, коли он дороже!
— И уйду!
— Да это что же такое? Матушки мои!—испугалась Федотовна.— Иван, опомнись! А ты, вертихвостка, против кого кричишь?
— Молчи!—повернулся Чупров к жене и холодно кивнул дочери:— Можешь собираться!
— Не пущу!—крикнула Федотовна.— На позор-то всей деревне. Без свадьбы. Не пущу!
— Мать! Пусти ее! Мать!! Старая дура! Кому говорят, отстань! Пускай идет, коль совести нет.
Федотовна села на лавку и запричитала:
— Головушка моя горькая! И за что такое наказание! Кормила, холила, в люди выводила... На позорище-то всем!..
Рая стала собирать свои платья и книги. С тяжелым чемоданом она вышла на улицу.

В колхоз приехал Ефим Трезвый. Он сообщил Ивану Маркеловичу, что есть возможность купить цемент. На новом скотном надо было цементировать дорожки. Чупров пригласил гостя к себе. Федотовна, забыв о том, что когда-то упрекала мужа—«от людей совестно»,—бегала то на склад за свининкой, то на птицеферму за свежими яичками.

Все улеглось. Мало ли бывает неприятностей в беспокойной жизни председателя колхоза!

...Бухгалтер Никодим Аксенович, как всегда, заприходовав покупку цемента, принес документы на подпись к Чупрову. Тот расчеркнулся и вернул бумаги. Никодим Аксенович молча стоял у стола.

— Чего там еще?

Бухгалтер нерешительно поежился:

— Оно твоя воля, Маркелыч. Ведь мы без счетов покупаем. Сам понимаешь, как мне приходится изворачиваться. А вдруг что случится? Рискую!

— Кто спросит? Я один могу спросить. Я председатель!

— Все же опасно. Могут притянуть за нарушение финансовой дисциплины.

— Меня притянут, я и отвечу. Ты за мной, как за каменной стеной. Чего таким трусливым стал?

— Я не к тому, Иван Маркелович.

— Тогда к чему же?

— Старуха больная, хозяйство в упадке...

Чупров начал понимать, в чем дело.

— Уж не хочешь ли погреться на колхозных покупках?

— Твоя воля,— со вздохом ответил бухгалтер.— Ты ж, к примеру, Ефима Арсентьевича не обижаешь.

Чупров нахмурился.

— Ты кто?— спросил он в упор.

— Чего?

— Колхозник ты или нет? Так служи без корысти колхозу, не оглядываясь на Ефимов Арсентьевичей. Им наш колхоз — сбоку припека. Потому-то иной раз и приходится их благодарить. Так-то! Я же себе ни копейки не беру!

— Твоя воля,— подавил обиженный вздох Никодим Аксенович.

Когда бухгалтер ушел, Чупров призадумался: «А ведь при таких оборотах, какие я провожу, трудненько ему изворачиваться. Другой бы перечил, на стенку лез, а он молчит. делает, что ни скажу. Напрасно обидел, напрасно... Сам к нему несправедлив был. В чем его можно упрекнуть по работе? Ни в чем! Тих, потому и неприметен. А надо отметить».

Чупров в тот же вечер написал приказ о премировании бухгалтера Ляпина деньгами в сумме двухсот рублей.

Сам Чупров скоро забыл этот случай. Никто из правления не обратил на него внимания.

Для теплицы нужны трубы, заменяющие столбы, что поддерживают крышу, и трубы парового отопления. Чупров решил съездить сам в город, встретиться с людьми, которые могут помочь. Такие люди сами не предложат услуг, их надо просить, с ними надо подружиться.

Чупров знал, как это делается.

Городской ресторан «Север» на языке «деловых» людей назывался «Черная ночка». Там весело и непринужденно заключались всякие сделки. Чупров занял кабинку и стал ждать. Скоро появился знакомый Чупрову Виталий Витальевич, с ним высокий, представительный человек.

— Познакомьтесь: Николай Степанович Рябчик.

Чупров и Николай Степанович поздоровались.

У Рябчика были большие волосатые руки, крепкая шея, выпуклые, с веселой улыбочкой глаза.

— Что тут нам в закутке сидеть? — сказал Рябчик. — Не люблю! А ну, перейдемте ближе к народу!

По тому, как новый знакомый сочно произнес свое «не люблю», и по тому, что он захотел быть «ближе к народу», Чупров уверился: «Да, птица не маленькая. Стоит обхаживать».

Прошли в общий зал. Мгновенно вырос перед ними официант.

— Мы люди русские, — веско заметил гость.

— Двух братцев не распечатанных, — значительно кивнул Чупров. — И... закусить... соответственно.

За первым графинчиком Чупров начал жаловаться на трудности со стройматериалами. Но новый знакомый был или очень прост или хитер без меры. Едва только Чупров заикался о трудностях, он обрывал его:

— Выручим! Еще по маленькой.

Официант менял бутылки. Багровела шея у Чупрова, багровела шея у Николая Степановича.

— Выручим! Мое слово свято! А ну, еще!

— Он выручит, — твердил Виталий Витальевич уже заплетаясь языком. — Его слово свято. Он бог у нас.

— Ты мне нравишься! — трепля по плечу Чупрова, говорил Николай Степанович. — Всем выручу! Ты мужик. Черноземная силища! Я сам из мужиков. Вельского уезда! Стал инженером. Строятся мужики, разворачиваются! Выпьем за мужиков, которых не хватает строительных материалов!

Сверкавшие под электрическим светом бокалы на столе начали туманиться в глазах Чупрова.

— Выпьем! — нажимал Рябчик.

— А выручишь?

— Дай руку!

— Тогда выпьем!

Виталий Витальевич упал головой на стол, зазвенели рюмки.

— Э-э, не годится... Рано! — произнес Николай Степанович. — Некрасиво! Каждый раз так вечер портит. Слабоват! Придется кончить.

Виталия Витальевича свезли на квартиру.

Николай Степанович, в добротном пальто, краснолицый, с улыбкой в выпуклых глазах, остановился у машины и, пристально глядя на Чупрова, спросил:

— Кончим или продолжим?

Чупров на морозе чуть протрезвел. Он понял, что сказать «кончим», — обидеть, испортить вечер и, возможно, проиграть то дело, ради которого они собрались.

— Продолжим, — ответил он.

Николай Степанович одобрительно улыбнулся.

— Тогда едем, компанию соберем. Двоим скучно.

Через полчаса битком набитое незнакомыми Чупрову людьми такси несло обратно, к ресторану «Черная ночь».

...Чупров проснулся. На стенке, оклеенной голубыми обоями, висел коврик: большеголовая, с загнутыми длинными ресницами девочка гонит двух краснотелых гусей. «Где это я?»

Он лежал одетый, но босой, на неразобранной койке. На полу валялись валенки.

«Где я? Что случилось? Ах, да».

Чупров сел на смятой кровати. Голова тяжелая, во рту гадко.

Комната совсем не знакомая. Через полузамерзшее окно видна городская улица. Ходят люди, проплыл голубой автобус. На полу валяется детская игрушка — тряпичный зайчонок с мятыми ушами.

Дверь открылась. Чупров поспешно спрятал под койку босые ноги. Вошла женщина с желтым и сердитым лицом. Мельком взглянула и отвернулась.

— Умыться — по коридору направо, — резко сказала она.

Уже на улице Чупров вздохнул свободно: «Слава богу, вырвался!».

Зашел в столовую, заказал чаю и вынул из кармана деньги. Он взял с собой из дому восемь тысяч. Сейчас оставалось пятьсот рублей с мелочью.

«Не может быть, чтоб все прогуляли. Ну, тысячу, ну, две, а за три так и совсем мертвым ляжешь!»

На улице из автомата Чупров позвонил к Виталию Витальевичу.

— Как насчет труб? Можно ли надеяться?

— Трубы будут. Николай Степанович обещал. В любое время посылай машину.

Чупров задумался:

«Дорогоныко обойдутся эти трубы».

Было раскаяние, была злость на себя и на Рябчика, но страха, что придется отвечать за растрату, не было. Семь тысяч, подумаешь! Колхоз не убогий, уладится!

На колхозной машине привезли из города первую партию труб, с ними — письмо председателю. В письме размашистым, сильным почерком всего несколько слов: «Уважаю за широту души. Надеюсь, что ни в чем не обижу. Договаривайся с В. В. — Н. С.».

Чупров выругался: «Широта, черт бы тебя взял! От такой широты недолго по миру пойти». Было неприятно вспоминать, как он сорвался в городе: «Что молодой жеребчик, очертя голову с дороги — в яму». Однако узелок был завязан. Оставалось щекотливое дело — уладить с Никодимом Аксеновичем, чтобы тот сумел как-то обойтись с этими пущенными на ветер семью с половиной тысячами.

Покашляв в сухонький кулачок, Никодим Аксенович присел к столу, усталился на председателя. Очки у бухгалтера были старенькие, сидели на носу криво, придавали мелкому лицу значительное и таинственное выражение. Он молчал, ждал, что скажет ему Чупров.

— Так-то, Никодим, трубы пришли, но вот они куда сели! — Иван Маркелович похлопал себя по загривку. — Пришлось все пороги обить. Мы люди не гордые, ног не жалко. Только под каждым порогом приходится оставлять... — Председатель вытянул руку, выразительно потер большим и указательным пальцами. — Понимаешь?

— Сколько? — со вздохом спросил Никодим Аксенович.

— То-то и оно, что много. Семь с гаком.

Никодим Аксенович снова вздохнул.

— Широкий ты человек, Иван Маркелович. Одному готов шубу из сотенных шить, а другому — кусок бросишь, и то с оговорками.

— О чем ты?

— Да все о том. Не хотелось говорить. Ждал — сам смекнешь, а, видно, придется напомнить. Я твой первый помощник. Без меня, как без воздуха. Ты считаешь, что только сам достаешь трубы да стекло. Не только ты, и я достаю. Без меня

ты по рукам и ногам связан, ржавого гвоздя не достанешь на стороне. А что я от тебя вижу? Ничего. Сам-то себя не забываешь, пьешь вволю с дружками, ешь всласть. Тебе стоит только шепнуть словечко: «Ну-ка, мол, скатерть-самобранка», — и готово. Не жизнь, а масленица!

— Никодим! Забываешься!

— Не я, ты, Маркелыч, забываешься. Кинул кусок — на, подавился. Дороже я стою, ей богу, дороже!

Сначала шея, потом уши, скулы Чупрова стали наливаются краснотой. Никодим Аксенович зябко повел плечами: все в колхозе знали, страшен бывал председатель в гневе.

— Та-а-к! Уходи-ка отсюда, божий человек! Уходи с глаз, пока не раздавил и душу твою поганую не вытряхнул! Благодарности выпрашивает! Семью тысячами пугает! Иди вон! Эти семь тысяч на себя возьму.

Никодим Аксенович не уходил.

— Ладно, пусть уйду я, пусть ты повинись в этих семи тысячах. Пусть даже простят их тебе. А дальше как?

— Не твоя заботушка!

— Не моя, то правда. Твоя заботушка. Что дальше будешь делать? Кого на мое место посадишь? Сеньку Киселева? Тот, конечно, что ни скажи, сделает. Только, по неопытности, он в первом же деле себя и тебя запутает. Да ведь и я просто так не уйду, дам знать кой о каких документиках. Уйди, говоришь? Могу! Да сам не отпустишь.

— Что тебе нужно, старый пенё? — поморщился Чупров.

— Жить вместе по совести.

— По совести? Еще на такое слово язык поворачивается!

— Ты трубы достал. Кто-то помог. Кого-то, знаю, ты благодарил. Не в воздух же ушли семь тысяч! А я каждый день помогаю. Грешно, Иван Маркелович!

Чупров вышел из-за стола, расставил толстые ноги в больших, крепких валенках. Его руки, перевитые набухшими жилами, грузно повисли вдоль тела. Казалось, поднимет руку, толкнет легонько — и сухонький Никодим Аксенович вылетит в дверь вместе со стулом. Но Чупров не поднял руки.

— Не зна-ал, Никодим, что у тебя такая корыстная душа! Ладно, не обижу!

— Иван Маркелович, сам посуди...

— Сказал, не обижу! Моему слову не веришь? Все!

Никодим Аксенович вышел.

«Не обижу!» — эти слова в устах Чупрова звучали внушительно.

За трубы было «выплачено» на пятьсот рублей больше: эти пятьсот взял себе Никодим Аксенович.

Чупров долго вертел в руках документы, хмурился, бросал на бухгалтера тяжелые взгляды, но все же поставил подпись. Со строительства привезли отходы углового железа.

И снова мрачно вертел перед глазами бумагу председатель.

— Не накладно ли будет каждый раз куш отрывать? — спросил он Никодима Аксеновича.

— Вольному воля, — вздохнул тот. — Можешь не подписывать, Иван Маркелович. Только я по-другому оформлять откажусь.

— Смотри, Никодим, выведешь из терпения, — погрозил Чупров. — Дороговато обходишься колхозу.

— Не дороже, чем ты, Иван Маркелович.

— Я себе ни копейки не беру!

— А вот обожди, покажу.

Никодим Аксенович вынул из кармана обыкновенную смятую ученическую тетрадку.

— Что еще? — насупился Чупров.

— Прочти, увидишь.

Чупров небрежно взял тетрадь.

— Двадцать первого октября — один килограмм масла... Что это?

— Списочек, Иван Маркелович. Когда что брал для себя и для гостей.

Чупров перелистывал страницы, исписанные плотным почерком. Только бухгалтер мог так старательно отметить все, даже самые мелкие грешки, оценить их в рублях и копейках.

— Вот оно что! С октября за мной следил. Ждал, когда споткнусь.

Ноздри Чупрова раздулись.

— Вот твоя писанина!.. Вот!.. Грош ей цена!

Он разорвал тетрадь, бросил под стол.

— Заново, Иван Маркелович, нетрудно составить, заново...

— Пошел вон!

Никодима Аксеновича как ветром сдуло.

Документ о покупке углового железа остался на столе и весь остаток дня смущал Чупрова.

Вечером он ушел домой, не подписав счета.

На другой день бухгалтер подал заявление об уходе с работы. Чупров скомкал и бросил его. Он знал теперь, что если не существует, то может существовать копия ученической тетради с таблицей умножения на обложке. Знал, что в любое

время Никодим Аксенович может доказать документами каждую цифру, записанную в ней. И рад бы избавиться, и уже нельзя отпустить от себя этого подлого человека.

Чупров выбросил Никодиму Аксеновичу бумагу о купле углового железа.

— Смотри, Никодим, доведешь меня!

Бумага была подписана. Никодим Аксенович скромно устоялся в пол. А Чупров даже съезжился на стуле от злости: «У-у, старая перчатка, рад, что верх взял!».

Прежде, когда бухгалтер приносил на подпись бумаги, Иван Маркелович как-то не замечал его. Он глядел в бумаги, а не на тех, кто их подает. Теперь он подмахивал бумаги, не читая. Читать — расстраивать себя. Зато в такие минуты он, не поднимая взгляда на Никодима Аксеновича, ощущал его всей кожей, каждой клеткой, ощущал с болезненным зудом. У Чупрова дрожали руки, он с усилием их сдерживал, чтобы они сами собой не сжимались в кулаки. Все же он подписывал бумаги. Подписывал и молчал. Было стыдно за самого себя. И он знал: долго не выдержит.

Чтобы Никодим Аксенович не мог сорвать куш с очередной сделки, Чупров прекратил покупки. Стало легче дышать. Иван Маркелович начал даже по-старому покрикивать на бухгалтера.

Маломощные колхозы возили продавать свои продукты на базар в райцентр. Колхозы крепче, имеющие по четыре, по пять грузовых машин, везли на базары областного города. Хотя и дальше, но выгоднее.

Каждую неделю из деревни Пожары отправлялись в город две трехтонки. Продавец Максим Боровков аккуратно сдавал под расписку Никодиму Аксеновичу базарную выручку.

Максим давно упрашивал Чупрова освободить его от торговли. «До седых волос за прилавком покрикивать буду, что ли? — спрашивал он. — Ребята учатся. Алексей Быков меня на год старше, а уж на электростанции начальствует, журналы по электротехнике читает. Мне и за книжку сесть некогда. Только приедешь, — собирайся обратно. Цыганская жизнь!»

Чупров отказывал Максиму: некого поставить. Тот пожаловался в райком комсомола. Приходилось освобождать.

Щекотлива должность базарного продавца. Цены на продукты обычно устанавливает правление. Но продавец может их чуть повысить, может и снизить. Это — его право. Он дол-

жен приспособливаться к базару. Сегодня большой привоз мяса — цена падает, завтра привезут меньше — цена подскочит. Базарному продавцу приходится иметь дело с большими деньгами. Только людей, в честности которых нельзя сомневаться, можно ставить на такую работу.

Чупров остановился на Павле Штукине, учетчике сепараторного пункта. Это был парень мало приметный, кончил семь классов, ушел делопроизводителем в «Маслопром», проработал там года три, соскучился за конторским столом, вернулся в деревню. Чупров решил: «Пожалуй, по нутру придется Павлу работа продавца».

Первый раз Павел Штукин поехал на базар с Максимом. Вернулись оба довольные. В бухгалтерии при сдаче денег присутствовал Чупров.

Максим вышел на середину комнаты и, шутливо раскладываясь перед Чупровым и Никодимом Аксеновичем, объявил: — Внимание! Наш казначей достает капиталы!

Павел Штукин уселся на стул.

— А чего, а чего? — ворчал он. — Ты-то привык. А вдруг что случится? Сумма-то большая.

Он стянул один валенок, потом другой, на пол упали скомканные бумажки. Павел осторожно собрал их в кучу, для верности потряс над кучей валенки, пошарил в них рукой. Так, в полусубке, босиком, он, сосредоточенно сопя, принялся считать вырубку.

Чупрову это даже понравилось: «Смех смехом, а парень без ветра в голове. Дорожит честью».

На другой день он отправлял Павла одного, сам проводил его до машины, на прощание пожал руку.

— Базарный доход — становая жила колхоза. И новые скотные и новые теплицы — все на нем держится. Ты отвечаешь за то, чтоб эта жила не подсыхала. Ты большой человек в колхозе. Максим это недопонимал.

Жизнь шла обычным порядком. Иван Маркелович с утра до вечера занимался хозяйством. Никодим Аксенович примирел. Казалось, все улеглось.

Павел Штукин должен бы становиться опытнее, набираться торговой смекалки, но доход с базара почему-то не рос.

Чупров заметил, что у парня появились новые галстуки, что он курит дорогие папиросы. И это еще полбеда. Беда была в том, что Павел Штукин стал увиваться возле Никодима Аксеновича.

Базарный продавец всегда связан с бухгалтером. Он сдает

деньги, расписывается в получении новых товаров. Но почему все же вечерами молодой парень вместо того, чтобы идти в клуб, где и танцы, и радио, и девчата, сидит со стариком? О чем они толкуют?

Чупров решил принять меры. Он каждый день начал звонить по телефону в город, узнавать цены на базаре.

У стола бухгалтера, развалившись, положив ногу на ногу, сидит Павел Штукин. Никодим Аксенович чему-то весело, по-стариковски лукаво, посмеивался. Они оба оборвали смех, когда появился Чупров.

«Не надо мной ли?» — подумал Чупров и кивнул продавцу: — Павел, зайди!

Даже то, что Павел не сразу вскочил, не бросился следом, показалось председателю подозрительным: «Марку выдерживает, хочет показать, мол, не боюсь».

Павел вошел. Невысокий, большоголовый, он сел неловко на стул, уперся руками в колени, расставив в стороны локти.

— Как торгуешь?

— Ничего, Иван Маркелович.

— А по-моему, плохо! У Максима дела веселее шли.

— Тогда что ж... — Павел развел плечи, выставил грудь. — Что ж, коль не нравлюсь, освободите.

— С такой должности освобождают знаешь как? Передав суду!

— Меня в суд?

— Не меня же. Я не воровал. Почем в этот раз свинину продал?

— По двенадцати. Известно же, записано.

— Врешь! По восемнадцати! Тысячу восемьсот рублей за один выезд в карман положил.

— Да что это такое? Не поеду больше, снимайте!

— Снять недолго. Сначала заставим признаться и заплатить все, до копеечки. Уж раз заметили, значит, ты не только эту тысячу восемьсот прикарманил.

— Ничего я не брал! Чего вы на меня напали!

— Запомни! — строго сказал Чупров. — У тебя две дорожки: стать честным человеком, или... Слышишь меня? Или под суд! Других дорог нет! И не надейся меня одурачить. Я стрелянный воробей.

— Снимайте! Судите! Ничего я не брал, ничего не знаю! Павел поднялся.

— Куда?

Но тот как будто не слышал и только у дверей повернулся, произнес с угрозой:

— Смотри, Маркелыч, не хватай — руки обожжешь!

Минут через пятнадцать тихо открылась дверь. Вошел бочком Никодим Аксенович, остановился у порога.

— Маркелыч! — сухо произнес он. — Ты брось приставать к Павлу.

— Снюхались, подлецы! Я вас...

— Не пугай, не страшно! Судом страшась! Нам не высоко падать, а тебе из партии, с председателей да под суд — высоко, вдребезги расшибешься.

Никодим Аксенович шагнул ближе.

— По добру-то решить лучше. Пашка-то у нас в ежовых рукавицах. Не отбрыкивайся, а пойми: подле нас тебе выгоднее. Не обделим.

У Чупрова похолодели руки. Его подкупали! Его, Ивана Чупрова!

Он вскочил, через стол схватил Никодима Аксеновича за грудь, протаскив животом по чернильному прибору, легко притянул к себе.

— Задушу стервеца!

Они смотрели друг другу в лицо, оба бледные — один от испуга, другой от обиды, гнева, унижения.

— Святое бы дело, да руки пачкать... — Чупров с омерзением оттолкнул от себя старика.

— Жди, гад, гостей! Себя не пожалею, а тебя припеку! Все расскажу. Хватит!

Он вышел, хлопнув дверью.

Никодим Аксенович, помятый, все еще бледный, торопливо оправил на себе пиджачок.

Чупров размашисто шагал к конюшне.

Сейчас он поедет в райком, все расскажет. Начистоту! Прямо первому секретарю! «Так и так, Борис Степанович. Я, быть может, и сам некрасиво поступал, но для колхоза старался. А вокруг меня повылезли поганки. Ступить не дают, душат, тянут к воровству». Признаться, а там пусть казнят или милуют. Он все примет.

Ему показалось, что дежурный конюх слишком медленно запрягает лошадь, он отстранил его: «Копаеться». Сам наки-

нул комут, затянул супонь. Лошадь шла от деревни лениво. Чупров сидел в санях и горбился от тяжелых мыслей.

Каким он был раньше! Ругали его, сплетни пускали, на собраниях кричали против — и ничто не пугало, знал твердо: все эти сплетни, вся эта брань — что дорожная грязь на сапогах: пока свежа — держится, подсохнет — сама отпадет; лучшие колхозники всегда поддержат. А последнее время стал бояться брошенного случайно косого взгляда. Совесть нечиста.

Он встряхнулся, начал подхлестывать лошадь. «Скорей бы приехать, назад пути нет! Разорву веревочку! Может, с кровью рвать придется, но все одно. Жалеть нечего. Даже семья развалилась. Дочь ушла из дому. И правильно сделала. Не ушла бы — ее бы запачкал. Стали бы говорить о Райке: «У нее отец — вор». Признаться! Очистить душу!».

Районное село засыпало, лишь в отдельных домах мигали неясные огни. Чупрова охватили сомнения:

«Не поздно ли к секретарю? Не сгоряча ли я?»

Окно в кабинете на втором этаже светилось. Чупров привязал лошадь, подкинул ей сена, вздохнул и пошел к двери. Пока поднимался по лестнице, по-ночному тускло освещенной всего одной лампочкой, он вспомнил, как в прошлом году секретарь райкома Сутулов разделался с инструктором Шубным. Шубный, разъезжая по командировкам, не любил отказываться, когда ему «клали на дорожку». А «на дорожку» некоторые усердные председатели подсовывали в сани то живого поросеночка, то пудик крупчатки, то баночку меду. Шубного сняли с работы.

Секретарь райкома поднялся навстречу и сожалеюще чмокнул губами.

— Вот беда, и ночью не спрячешься, — произнес он добродушно. — Садись, садись, знаешь, что не выгоню.

Чупров опустился в кресло.

Они знали друг друга года четыре. Оба придерживались в разговорах полушутливого, полусерьезного дружеского тона. Секретарь райкома обращался к председателю на «ты», у председателя к секретарю «ты» проскакивало, когда увлекался разговором.

— Раз добрался до кабинета, знать, не прогонишь, — ответил Чупров, улыбаясь.

— Только все ж особенно корни не пускай в кресло, хочу еще почитать. Выкладывай, с чем пожаловал.

«С чем пожаловал?» Если сказать, голос секретаря сразу станет жестким, лицо сухим. Чупров почувствовал: он не в

силах нарушить этот приятный, дружеский тон. Сами собой подыскались слова:

— Много в райкоме читают. Да-а, много. В прошлый раз пропагандист ваш Колосков заезжал к нам. Мы его просим — лекцию прочитай, а он нам — некогда, завтра к семинару «Анти-Дюринг» проштудировать должен. — Чупров говорил, хитро улыбался, а в душе с тоскливым холодом спрашивал себя: «Что я говорю? Что?».

Сутулов качал головой, осуждающе улыбался. Продолжал улыбаться и Чупров. Он улыбался, а в виски тяжело стучала кровь: «Кончено! Не туда заехал, теперь не повернешь».

— Так. Ну, а как жизнь идет? Давно к нам не заглядывал.

Нужно было говорить, и Чупров, сам удивляясь зазвучавшей в его голосе неподдельной обиде, торопливо стал жаловаться:

— Бессонова-то у нас взяли, а Алексей Быков еще молодой, неопытный. Не ведется у нас никакой идеологической работы. То есть ведется, но с пятого на десятое. Районные лекторы да докладчики мимо ездят.

Сутулов слушал серьезно.

— Ладно, учтем.

Начался разговор о политкружках, о клубе, о подготовке к севу. Секретарь райкома говорил с ним, как с хорошим товарищем; уютно горела лампочка под матовым абажуром, в мягком кресле было очень удобно — так бы и сидел всю жизнь, забыл бы, что есть деревня Пожары, колхоз, правление, крючком согнувшийся за столом Никодим Аксенович.

— А ты, брат, осунулся, — посочувствовал Сутулов.

— Нездоровится, — ответил Чупров.

— К врачу сходи. Может, путевку на месяц выхлопочем?

Защемило сердце, даже во рту ощутил Чупров какой-то сладковатый привкус: «Вот бы скрыться на месяц! Утряслось бы, вернуться и жить, как жил! И не так, а умнее». Но сказать: «Хочу, неплохо бы» — не хватило смелости, куда проще оказалось ответить бодреньким голосом:

— Ничего. Придет посевная, побегаю по свежему воздуху, вся хворь слетит.

К себе в деревню! Зачем? Никодим Аксенович, скрывая под ласковыми улыбочками злобу и презрение, сядет крепче на шею, уж теперь начнет помыкать вовсю. Вези, Иван Чупров,

безответная душа, вези на себе вора, коль сам потерял людское обличье! А дома запуганная, переставшая соображать, что к чему, Федотовна. На улице мерещатся косые взгляды колхозников.

И Чупров в эту ночь не поехал в колхоз, переночевал в селе у знакомых.

Утром, чтобы только оттянуть отъезд, он направился на районный базар. Сегодня воскресенье, там будет много знакомых.

В будние дни на базарной площади, около фанерных ларьков и прямо по длинным дощатым столам, прыгали галки и вороны. Но в воскресенье там разгоралась жизнь. По окраине площади выстраивались рядами сани. Лошади с накинутыми на спины тулупами своих хозяев лениво, словно от скуки, жевали сено. Между ними терлись вороватые козы. Грузовики врезались прямо в базарную сутолоку. Басистые крики «Берегись!», автомобильные гудки, визг свиней, и над всем этим какой-нибудь захлебывающийся, режущий уши крик: «Клю-у-у-квы мороженой! Клю-у-у-квы!» Шум базара — это воскресный, праздничный шум.

Колхоз «Красная заря» вырос в дружбе с этим базаром. Сколько сюда, на площадь, было свезено из деревни Пожары муки, сала, мяса, масла! Когда-то между нагруженными снедью прилавками ходил здесь хозяйской поступью Чупров, председатель колхоза, начинавшего завоевывать себе славу.

Теперь у колхоза «Красная заря» пять грузовых машин, и на них мясо, масло, муку из Пожаров везут прямо в город: там и цены повыше и покупатель сговорчивее. И все-таки дорог Чупрову этот шум как воспоминание.

Такой же хозяйской походкой, какой, бывало, ходил Чупров, шагал навстречу ему Бессонов. Перед ним, высоким, сутуловатым, спокойно и задумчиво озирающимся по сторонам, почтительно сторонились.

— Никита!

— Маркелыч! Каким ветром?

Рука Бессонова, только что из рукавицы — теплая, твердая, — стиснула широкую ладонь Чупрова. Стиснула и быстро разжалась.

Когда-то они каждое утро здоровались так: тиснет Бессонов руку Чупрова и быстро отпустит, затем усядутся, закурят, начнут не оконченный вчера разговор. Не знал тогда Чупров, что он был счастлив в те дни.

— Эх! А ведь я рад! Рад тебя видеть! Грешен, брат, соскучился, — растроганно заговорил Чупров.

Бессонов пытливо взглянул в похудевшее, небритое, с отечными мешочками под глазами лицо старого друга:

— Что-то ты, Иван, изменился, помятый какой-то?

— Нездоровится.

— А я достал кровлю, лес рублю, строюсь, — рассказывал Бессонов. — Сегодня воскресник в колхозе. Постановили на днях — всем народом на порубку выйти. Но постановили, а, пожалуй, целая бригада, как всегда, здесь. Вон глянь, — один из моих на воскреснике.

Чувствуя близость председателя, переваливался виновато с ноги на ногу мужичонка в жесткой собачьей шапке, в потертом нагольном полушубке. Перед ним на базарном столе лежал маленький сверточек.

— Живут близко, вот и привыкли. Такому и неделя не в неделю, коль на базаре не проторчит. А спроси, что продает? Петуха старого зарезал да десяток яиц в узелке. Коммерсант!

К «коммерсанту» в собачьей шапке подошла старушка, стала что-то придиричиво спрашивать, он отвечал ей нехотя, вполголоса. Но как только Бессонов и Чупров отвернулись, он ожил, поколачивая рукавицей о рукавицу, начал покрикивать:

— А кто супу с курятинкой хочет? Кто петуха во щи положить забыл?

— Я против таких «коммерсантов», — продолжал Бессонов, собирая морщинки у глаз, — тяжелую артиллерию выдвинул. Вон стоит. — Он указал на две груженные машины. — И битую птицу привез, и свинины, и баранины. Минут так через десять начнем подготовочку. Цены сразу упадут. Везде, по всему базару! Этим «коммерсантам» или придется мерзнуть около своих петушков да яичек, или спускать их в полцены, или поворачивать оглобли домой, а там — милости просим участвовать в воскреснике.

«Правильно, — подумал Чупров, поглядывая на Бессонова с завистью. — Каким был, таким и остался Никита — не унывает, легко с ним. Эх! Надо б зубами, руками, коленками держаться за него, не отпускать из колхоза».

Деловитым шагом со строгим лицом к Бессонову подошел молодой паренек.

— Ну, Вася, как дела? — спросил Никита.

— Все готово. Разрешите открывать торговлю.
— Открывайте. Как только цены упадут, сразу наших торговцев начинайте агитировать, а то они полдня мерзнуть будут. Время-то идет. Сразу на машины их — и на делянки.

— Есть.
— Видишь, Сильверста-то, — подмигнул Бессонов на торговца в собачьей шапке, — петушка принес.

Паренек сразу же перехватил его улыбку.

— Живого?

— Да нет, мертвого.

— Жаль, а то б еще пожил петушок.

Оба весело рассмеялись.

Этот парень чем-то напомнил Чупрову Алексея Быкова. Может быть, румяным лицом, на котором нарочитая строгость так быстро сменилась улыбкой. «И там, видать, молоденькие-то липнут к Никите. Оброс дружками. А я, как старый пень, не дружками, поганками оброс».

Чупрову захотелось поговорить по душам, пожаловаться на жизнь и все-все рассказать Бессонову.

— Может, пойдем «помолимся»? — предложил он.

— Что ж, можно для встречи и «помолиться». Мое дело теперь в шляпе, ребята не подведут, — согласился Никита.

В старые времена, когда еще не было базара на этом месте, на окраине пустыря стояла каменная часовенка, поставленная в честь какой-то ныне забытой божьей матери. Позднее к этой часовенке пристроили два кирпичных крыла, повесили над дверями вывеску: «Чайная». В воскресные дни сюда заезжали из колхозов «помолиться». В чайной председатели лучших колхозов, люди солидные и степенные, садились ближе друг к другу, остальные — в сторонке кучками, парочками или унылыми одиночками.

Бессонов сразу направился к столу, где уже сидели трое: толстый и лысый Мартын Лопарев, жиденький, с бородкой Федор Лошадкин и тоже толстый, тоже лысый, только объемом помельче да лысиной потусклее Лопарева Игнат Сивцев. Все трое — не менее известные председатели по району, чем Чупров.

Бессонов же по своему колхозу был намного ниже их всех. Но по тому как он уверенно направился к этому столу, и по тому, как трое председателей с веселой готовностью протянули навстречу руки, Чупров понял: «Не только сам верит, но и этих заставил поверить, что его колхоз скоро поднимется до них».

— Здравствуйте, здравствуйте, — воркующе приветствовал их Лопарев. — Подставляйте стулья, присаживайтесь.

Сам Чупров любил так «помолиться» в степенной компании. Приятно сидеть, разговаривать, зная, что за соседними столиками завистливо перемигиваются: «Ишь, мол, сила уселась!». Теперь же ему хотелось приютиться где-нибудь в уголке, побеседовать наедине с Бессоновым. Но отказываться от компании было неудобно. Подставили стулья, попросили официантку Настеньку «не обойти».

— Как же ты, Маркелыч, сюда заглянул? — начал Федор Лошадкин, двигая бородкой, переваливая в беззубом рту кусок соленого огурца. — Ты теперь высоко летаешь, все больше по городу бьешь. Не мы, бедолаги.

— Хорош бедолага, — затрясся животом Мартын Лопарев, — что ни месяц, то новая постройка! Овощехранилище завернул, что твои палаты! «Бедолага»!

— Что овощехранилище, когда хранить нечего! Чупров вон теплицу думает поставить. Как ты ее мыслишь: на столбах, каркас деревянный?

— Нет, каркас железный. Вместо столбов трубы. Не погнет.

— Это да! — завистливо вздохнул Лошадкин. — Где ж ты эти трубы выцарапал? А стекла достаточно? Уймищу стекла ведь нужно.

— Хватит.

— Молодец ты, ей богу! Завидую!..

Бессонов с ухваткой человека, рано вставшего утром, успевшего проголодаться да к тому же пропустившего стопочку, уничижал поставленную перед ним баранину с кашей. Он неодобрительно посмотрел на Чупрова:

— Все достаешь? Смотри!

— Что «смотри»?

Чупров сейчас вдруг понял, что от этих людей, а больше всего от Никиты нужно скрывать все, что случилось. Не распахивать душу — скрывать!

— Что «смотри»? — повторил Чупров вызывающе, в душе же побаиваясь, что Никита сейчас все разгадает.

— Уж больно быстро все достается!

Чупров густо покраснел и поднялся:

— Завидуешь, Никита... Счастливо оставаться! Спасибо за компанию. Не осудите, некогда мне...

Он повернулся и твердым шагом пошел к выходу.

— Что это он? Вроде обиделся, — удивился тихий Игнат Сивцев.

Страшно было идти в правление, где его встретит торжествующий Никодим Аксенович.

Он лежал с головной болью и думал об одном: как случилось, с чего началось, чем кончится?

Сначала все шло просто и безобидно. Начали строить теплицу, доставать материал. Алексей Быков упрекнул его на правлении: «Занимаешься темными делами». Если б тогда круто повернуть, отказать всем Виталиям Витальевичам, ничего бы не случилось.

Заплясал под дудку Никодима, волей-неволей помогал ему воровать. Поехал в райком, не хватило духу признаться! Теперь все, теперь не жди пощады!

Никодим, ядовитая бестия, уж, верно, понял: если Чупров не показывается, не появляется и участковый, — значит, струсил председатель.

А завтра? Завтра, хочешь не хочешь, придется встречаться. Теперь он возьмет за горло...

«Напьюсь! — решил Чупров. — До смерти напьюсь!»

И он напился, вернулся домой в полночь, спал, не раздеваясь. А утром основательно опохмелился.

С этого дня он пил уже регулярно.

С бухгалтером Чупров стал разговаривать грубо, не стесняясь, посылал его за водкой. Никодим Аксенович без возражений бегал в ларек, даже покупал водку на свои деньги: выгодно! Хотел или не хотел того Иван Чупров, но он входил в «базарный» пай к бухгалтеру и Павлу Штукину. Только с той разницей, что брал свою долю не деньгами, а натурой — водкой.

Всем казалось, что Алексей и Рая живут счастливо. А счастья в их маленькой семье не было.

Алексей никак не мог забыть того вечера, когда он, бледнее от позора, стоял перед колхозниками, слушал их выкрики. Ему теперь казалось, что все относится к нему настороженно, подозрительно. Раздавался случайный смех за спиной, он считал — не иначе, над ним смеются; Митрофан Евсеев не протянул руки при встрече: гнушается; Иван Кустов, наоборот, долго жмет руку, заглядывает в глаза — жалеет: на лице Глафиры таинственная улыбочка — ходит

по деревне новая сплетня о нем. Алексей стал дичиться людей.

Один человек оставался для него близким и дорогим — Рая. Но даже и с ней Алексей не мог быть до конца откровенным. Они между собой не говорили об отце.

А тут что ни день, то новые слухи разносились по деревне про Чупрова. В последнее время и Рая и Алексей встречали его, опухшего, небритого, опустившегося, но молчали, скрывая друг перед другом свою тревогу.

Рая не осмеливалась просить Алексея: «Помоги, мне страшно за отца». Как он поможет? Что сделает по милости ее же отца опозоренный секретарь парторганизации? Если б знал, как помочь, первый бы заговорил. Не знает. А может, просто не хочет помочь, торжествует про себя?

Алексей смутно догадывался, о чем думает Рая. Но что делать? Ехать в райком, рассказать все, остановить разгулявшегося председателя? Простой выход. Рая знает о нем. Если бы она хотела этого, давно бы послала его: «Поезжай!» Но она молчит.

Настороженно жили Алексей и Рая. Камнем лежал между ними Чупров. Однажды Алексей, не застав на работе Раю, пришел домой один. Она сидела и плакала.

— Что случилось?

Рая долго не отвечала.

— Да скажи, что?

— Отца видела. Идет, шатается, сам с собой разговаривает.

«Вот оно, — подумал Алексей. — Сейчас решится. Столько времени молчали!»

— Стыдно мне, — продолжала Рая. — Свернула с дороги. Отца своего стыжусь! Делать что-то надо, Алеша. Не могу больше. Ты-то чего молчишь? То воевал, возмущался, а сейчас словно воды в рот набрал. Доволен, что отец так упал!

— Рая!

По его дрогнувшему голосу она поняла, что Алексею самому больно, он тоже переживает, хочет помочь, а как, не знает. Рая склонилась к столу, ее плечи затряслись в рыданиях. Алексей присел рядом и, с неловкой осторожностью дотрагиваясь до ее вздрагивающих плеч, произнес:

— Придумать ничего не могу.

— Съезди к Никите Кузьмичу, посоветуйся, — сказала тихо Рая.

— А ведь правда! Как я его забыл?

На другой день Алексей поехал к Бессонову.

Бессонов, выслушав Алексея, сразу же поднялся:

— Идем.

— Куда?

— Осторожничать поздно. В райком идем.

И уж на ходу кинул холодно:

— Ну, смотри: коль вовсе запоздали, не вытянем Ивана, юбра себе не жди! Что раньше-то смотрел?

Через полчаса они сидели в кабинете Сутулова. Секретарь райкома смотрел на Алексея сузившимися глазами, у него напряженно подергивалось веко, вопросы ронял короткие, холодные. И Алексей только тут понял угрозу Бессонова: за позор Чупрова отвечать придется ему, секретарю парторганизации.

— Пьет? Сильно? — переспрашивал Сутулов.

— Страшно, Борис Степанович.

— А слухи о темных делах верные?

— Говорят...

— Могут ложно говорить.

— Нет, есть и правда.

— Надо узнать поточнее.

— Я узнаю, — сказал Бессонов.

— Как ты узнаешь? Вон Быков рядом живет, да и то определенно сказать не может.

— Сам Чупров мне расскажет.

— А если не расскажет?

— Вместе росли, вместе работали, должен рассказать.

Сутулов кивнул:

— Так и решим: поезжай.

Опухший, с красными веками, подчеркнуто твердой, тяжелой походкой ходил Чупров по хозяйству, стараясь не глядеть людям в глаза.

Но в тот день, когда Алексей уехал к Бессонову, на Ивана Маркеловича нашла просветление. Утром, как всегда с тяжелой головой, чувствуя и в душе и в теле какую-то омерзительную муть, он вышел из дому.

Было уже светло. Стояла оттепель. Снег на дороге мягко поддавался под валенком. Под окнами, на голых ветках двух березок, кипела большая воробьиная стая. Яростное чириканье разносилось по всей деревне. «Продержится оттепель. Ишь, воробы празднуют», — отметил Чупров.

Его воспаленное лицо тронул влажный ветерок. Он донес тонкий горьковатый запах. И Чупров почти задохнулся сырým воздухом, в котором был растворен этот запах...

Далеко, далеко еще весна. Быть и метелям, быть и трескучим морозам. Но такой запах — запах весны. Это у ствола рябины подопрел снежок, размочил кору, и кора горьковат пахнет.

Чупров по привычке направился в плотницкую. Там срочно делали еще одни тракторные сани.

Что бы такое совершить? Как очистить себя? Вымыть душу, соскоблить с нее грязь, чтоб можно было ходить по колхозу, как ходил раньше, без страха и стыда глядеть в глаза колхозникам. Хоть неделю, одну б неделю прожить прежним Чупровым, суровым и справедливым хозяином колхоза, а там хоть смерть, не страшно!

В плотницкой он увидел, что плотник Сидор Воронин сколотил такие широкие тракторные сани, что они не смогут уместиться ни на одном проселке. Чупров рассердился:

— Этакую баржу по Волге пусти, за берега цеплять будет. Ты подумал, как их по лесной дороге трактор повезет? Может, специальную просеку рубить прикажешь?

— Так ведь это на поля навоз возить! Где там лес-то?

— На одну неделю сделал? Навоз вывезем, дрова понадобятся. Тогда что? Новые сани сколачивать? Переделать!

Он сердился, плотник виновато оправдывался — это было так привычно, так буднично, так далеко от всех прошлых и настоящих несчастий, что уже казалось, доброе старое время вернулось назад.

Влетела в плотницкую раскрасневшаяся скотница Настенька Большухина. В светлых, широко открытых глазах ее радостный испуг. С минуту она смотрела на председателя и вдруг бросилась к нему:

— Иван Маркелыч! Миленький! Краснуха отелилась! И так-то легко, прямо счастье! Бычок. В отца вылитый! Идем скорей! Порадуешься! Я зоотехника Павла Павлыча везде ищу.

Чупров непривычно засуетился:

— Пойдем, дочка, пойдем.

Краснуху, лучшую корову «Красной зари», ввели за пятьдесят километров, в совхоз, к знаменитому на всю область быку Загораю. Сейчас сын Загорая, с такой же широкой пролысиной на лбу, знакомой по описаниям животноводческих брошюр, лежал в родилке на свежей соломе. Мать слабо и жалостно мычала в стороне.

Чупров наклонился, бычок дернулся, попробовал встать, но, дрожа всем телом, снова свалился. Глаза его, маслянисто влажные, тоскливо глядели на председателя.

— Ты что, брат, печалишься? Для больших дел на свет появился. Племя новое колхозу дашь. А ну, встанем, встанем, покажем себя. Ишь, шатает молодца.

А сзади на возившегося с теленком председателя смотрела Настенька. Взгляд этой девятнадцатилетней девчонки был тихий, счастливый, почти материнский. И Чупров догадывался об этом взгляде, чувствовал его спиной и сам был счастлив.

— Так, так. Держись, милый. Стой крепче, дорогая душа, — оглаживал он теленка.

Выйдя из родилки, Чупров снова услышал расшумевшихся к большой оттепели воробьев, снова вдохнул горьковатый запах мокрой рябиновой коры, носившийся по деревне.

Он уже деловитым, чуточку торопливым шагом направился дальше, к маслобойке.

А славный выпал день! Он пришел к Чупрову, как к выздоравливающему после долгих кошмаров приходит светлый сон о далеком детстве. Только бы не вспугнуть его, только не надо заглядывать вперед. Славный день! Зачем отравлять себя тем, что будет завтра?

В чистой, с побеленными стенами и низеньким потолком маслобойке слышались громкие и сердитые голоса: один — ломающийся от гнева басок, другой — визгливый, захлебывающийся.

Чупров вошел.

— В чем дело? Что за война?

Техник-маслодел Петя Бочкарев, в белом халате, с гневным румянцем на щеках, держал в руках грязную тряпицу. На ней, круглый и ноздреватый, как булыжник, желтел большой кусок масла.

— Что? — яростно обернулся Петя. — Погляди, Иван Маркелыч, масло ворует! Второй раз тебя, Матрена, уличаю.

— И совсем не ворую! Я просто взяла. В счет трудовой своих взяла, — вскипела дородная, с круглым безбровым лицом Матрена.

— Матрена! — веско оборвал ее Чупров.

— Чего Матрена? Чего ты-то пристал? Чего обидчику покажешь?

— А то! С работы сниму!

— Как же, с работы! Мы-то на несчастный грош возьмем, нас и то шпыняют. А тут тысячи загребают, да все с рук схо-

дит. С работы! Сам-то, небось, пригрелся на тепленьком местечке.

— Кто пригрелся, кто загребает? — глухо спросил Чупров.

— Не слепые. Все видим!

— Не брешь! — С потемневшим лицом Чупров повернулся, а вслед ему летело:

— У самого, небось, рыльце-то в пушку! «Не брешь» еще!

Попрежнему на крышах и на деревьях шумели воробьиные базары, попрежнему тянуло не по времени весенним горьковатым запахам, но счастливый день кончился для Чупрова.

Он пришел в свой кабинет, выдернул нижний ящик стола и крикнул злобно:

— Никодим!

Появился Никодим Аксенович. Чупров показал глазами на пустой ящик, скрипнул зубами:

— Дела своего не знаешь, старый пес!

— Денег нет, должен скоро Пашка привезти.

Чупров впился взглядом в косо сидевшие на носу очки. За ними бегали выцветшие стариковские глаза. В них были и страх, и бессильная злоба, и нагленький, трусливый вызов.

Оба нуждались друг в друге, но ненавидели один другого. Смертельно ненавидели!

Отпотевшее оконное стекло обволокла снаружи черная зимняя ночь. Чупров сидел за столом. Он был один во всем доме. Когда он садился так, ставил перед собой бутылку, Федотовна боялась оставаться с мужем с глазу на глаз, уходила к соседям.

Вечера — самое страшное время. Днем хоть и приходилось прятать от людей глаза, но все же он был не один: заботы заполняли голову. А тут — четыре стены да черные, мокро поблескивающие стеклами окна. Один!

«Вот тебе и колхоз, жизнь по-семейному. Вот уже и на сепараторке воруют масло. Эх! Что там думать! Выпьем, Иван Чупров!»

Он наливал полный стакан, опрокидывал, тряс головой и снова сидел неподвижно, снова в голову лезли обрывочные мысли.

«Говорят: рыба гниет с головы. Но как получилось? Разве я хотел плохого? Не хотел! Э-э, что там! Опять оправдываюсь. Хватит, надоело! Еще стаканчик, Иван Чупров».

Чупров наполовину опорожнил бутылку, начинал уже пьянеть, как за дверями послышался шум. Без стука, склонившись в низких дверях, бараньей шапкой вперед, шагнул через порог Бессонов. Он разогнулся и негромко сказал:

— Здравствуй, Иван!

— Никита?

За Бессоновым вошел Алексей, за Алексеем — Рая, нерешительная, неловкая, по-настоящему чужая в чужом доме. После всех проскочила Федотовна, торопливо принялась растегивать шубейку. В ее суетливых движениях чувствовалась радость: и Рая пришла, с мужем! И гость-то какой! Никита Кузьмич! Он все обернет по-старому. Он может, все может!

Бессонов снял полушубок и шапку, повесил их около дверей на гвоздь, пригладил ладонью волосы, подошел к столу, присел.

— Поговорить хочу. Одним нам остаться, или как? — спросил он.

Чупров молчал.

— Ну?

— Что говорить? — Чупров, не глядя на Бессонова, потянулся к бутылке, налил в стакан. — Вот! — Голос его скрипуче сорвался. — Вот выпей, Никита. Выпей за помин души своего друга, председателя колхоза Ивана Чупрова. Вып-пей!

Рука Чупрова задрожала, водка полилась через край стакана по пальцам на стол. Чупров поспешно поставил стакан, прижался лицом к судорожно сжатому кулаку. Под электрическим светом в его густых волосах блестела седина. Стало тихо.

Федотовна, схватившись за голову, неподвижно замерла.

Молчал за столом Чупров, молчал Бессонов, молча стоял в стороне Алексей, текли слезы по лицу Раи. Что говорить, — все было ясно!



Редактор — Г. ЯРЦЕВ.

Формат бумаги 70 × 108½.
0,75 бум. л.— 2,05 печ. л.

A00654, Подп. к печ. 17/IV 1954 г.

Изд. № 335. Тираж 150 000

Заказ 930.

Типография газеты «Правда»
имени И. В. Сталина,
Москва, ул. «Правды», 24.